

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

ОСЕНЬ. НАЧАЛО

7

ЧАСТЬ 2

ЗИМА. АНТИУТОПИЯ

109

ЧАСТЬ 3

ВЕСНА. ВЕЧНОСТЬ. БЕСКОНЕЧНОСТЬ

184

ЧАСТЬ 4

ЛЕТО. БЕЗВРЕМЕНЬЕ

210

ЧАСТЬ 5

ОСЕНЬ. КАЛЕЙДОСКОП

256

ЧАСТЬ I

ОСЕНЬ. НАЧАЛО

В комнате японки пахнет нафталином. — Она никогда не проветривает, — осторожно сообщает хозяйка. — По правде говоря, не представляю, как она живет в этом запахе. Мне кажется, из-за этого она слегка... не в себе.

Комната по лондонским меркам огромная. Угловая. Два окна в одной стене, одно — в другой. Двухспальная кровать, за ней к окну придвинут раскладывающийся диван. Шкаф из темного дерева. Белые стены. Красные занавески, и лампа тоже красная. Как там было в детской страшилке: мама отправила дочь в магазин и сказала, купи что хочешь, но главное, не покупай красные занавески. А в магазине — только они, и никуда не деться девочке от красных занавесок.

Она мать не послушала и...

Какой-то дикий, нечеловеческий беспорядок.

На полу, на комод, на диване набросаны вещи. Кровать не убрана. Забитое мусорное ведро в изголовье. На столике перед диваном — грязная одноразовая посуда. Много-много тарелок с остатками

засохшей еды. Стоят, наверное, уже не один день. Она точно японка?

— Здесь светло...

— Конечно, к вашему переезду все будет убрано и проветрено, — хозяйка заглядывает мне в глаза, словно рассчитывает прочесть мысли.

Хозяйка — пакистанка, но давно обосновалась в Англии, купила дом. В нем выверена каждая мелочь. В гостиной — светло-зеленый цвет стен, массивный, из дерева журнальный столик, две картины над камином: на одной красный цветок на зеленом фоне, на другой металлический петух. Мягкие диваны вокруг стола. Как белые сугробы. В столовой над обеденным столом стеклянным конусом устремляется вверх потолок. Идет дождь, и капли, ударяясь о конус, расплющиваются и сбегают вниз по стеклу. Она и сама здесь живет, и сдает комнаты постояльцам. А тут эта японка. Как она вообще проникла в этот дом?

Мои нынешние апартаменты на Тауэр-Хилл оплачивает компания, но только две недели. За это время я должна найти себе жилье и перебраться. Это мой третий просмотр — комната в красивом двухэтажном доме у метро «Баронс Корт». Два других — крохотные клетушки. Одна в Пимлико. Другая в Патни. А здесь тихое место, и от центра недалеко.

Я изучаю светлый ковролин — никакое проветривание не изгонит из него запах нафталина. Это на года.

— Не знаю. Я только на днях приехала. Комната очень хорошая, большая... Вы знаете, мне уже пора — опаздываю на встречу. Давайте я подумаю и в ближайшие дни позвоню.

Хозяйка вдруг вцепляется в меня.

— Когда позвоните? Я не буду пока больше никому показывать комнату!

— Ну...

— В субботу? Подумайте, а в субботу приезжайте еще раз, посмотрите внимательнее, с другими девочками познакомитесь. Они тоже очень милые. Вы найдете общий язык.

Закрывая за мной дверь, она улыбается:

— Мне бы очень хотелось сдать комнату именно вам!

Я не соврала и уже опаздываю на встречу к Терезе. Она написала мне, когда я была еще в Москве.

«Привет, Ксения,

*Гюнтер сказал, мы будем работать вместе :))
Очень рада, что такой человек станет частью нашей команды — нам нужны люди, знающие свое дело. Когда ты выйдешь, я буду в отпуске. Может, у тебя получится увидеться пораньше? Я введу тебя в курс дела и со всеми познакомлю!*

Всего хорошего :))))))

Тереза Новак».

На огромном вокзале Ватерлоо потеряться — пара пустяков. Лишь оказавшись перед стеной, я понимаю, что бежала не в ту сторону. Народу здесь меньше. Слева от меня — платформы, откуда уходят пригородные поезда. Разворачиваюсь, бегу в другую сторону и попадаю на вывернутую щебенку улочки Lower Marsh. Нижние Болота по-русски. Название говорит само за себя. Эти Нижние Болота перекрыты для движения, раскурочены, вздымлены от снятого асфальта, огорожены то тут, то там строительными заборами. Вывороченная брусчатка смешивается с пылью раскопанного грунта. Рокот бурильной

установки за забором и крики рабочих. Трескотня и хаос. Засмотревшись и потерявшись в шуме, я случайно влетаю в одного из строителей. «Осторожно, мэ!» — говорит он мне неожиданно мягким, тягучим баритоном, и наши взгляды пересекаются. На мгновение зеленые глаза и звук этого голоса словно вырывают меня из действительности, но я уже бегу дальше.

В свободные от строительства метры обочины втиснулись палатки с самой разной едой — кубинской, тайской, марокканской, китайской, африканской. Ее готовят у тебя на глазах. Все сытно, горячо, сдобрено пахучими, разжигающими аппетит специями и пылью. Тут же лоток с собранной по всему Лондону старинной бронзой — ложками, тарелками, вазами и прочими предметами, покрытыми зеленоватой окисью. Между китайским и тайским лотками — навес с одеждой: рубашки, юбки, платья, легинсы. Такой навес легко мог бы разместиться на каком-нибудь Черкизоне девяностых годов, но продавцы громко переговариваются на английском, и я в очередной раз отмечаю, что теперь вокруг меня все на английском, даже подобие Черкизона.

Хаос вокруг приправлен сырым запахом то ли канализации, то ли гниющего мусора, то ли разлитого на грязном жарком асфальте пива, который, я уже заметила, возникает в Лондоне то там, то тут, но чаще в непосредственной близости от пабов и водостоков.

Изнанка центра.

Уличная суета остается за вращающимися дверями офиса. Солидный темнокожий охранник улыбается и говорит мне: «Здравствуйте! Хорошего дня!»

Я звоню Терезе. Она спускается за мной в холл, и я оказываюсь лицом к лицу с Барби в натуральную величину: светлые волосы, собранные в тугий хвост, округлый высокий лоб, голубые глаза и безупречные черты лица.

— Привет, Ксения, я — Тереза, — говорит она, нависая надо мной сверху, как великан, глядящий себе под ноги. — Ты обедала? Нет? Только сначала давай я тебя представлю отделу.

Этажи насажены на лифтовые шахты, как шашлык на шампур. Получается, шахты — в центре, с прилепившимися к ним техническими помещениями, а дальше — открытое пространство офиса, где все работают. По периметру — окна от пола до потолка, и вдоль них — стеклянные кабинеты, похожие на аквариумы. Вместо рыбок — люди. Вместо водорослей и камешков — жалюзи и столы.

В отдельном стеклянном аквариуме за большим столом сидят мои будущие коллеги. Их лица мелькают быстро, словно во сне. Одинаково неопределенные улыбки. Только парень с прозрачными голубыми глазами не улыбается и смотрит в упор, не мигая. Тереза называет всех по именам, и я не запоминаю никого.

За окном ветер колышет листву, но в закупоренном пространстве не слышно ее шелеста. Душно, кондиционер не справляется.

Тереза раздает инструкции, и мы уходим в кафе. Стоит выйти из аквариума, дышать становится легче. Пока мы идем к лифтам, мне кажется, я чувствую взгляды, обращенные в спину.

— Обстановка напряженная, заметила? — кивает Тереза. — Работы много, и люди очень устали. Сидим

в этой комнате все время, чтобы нам не мешали. Тебе надо будет еще познакомиться с Ксавье и Марком. Ксавье все объяснит. К нему можешь обращаться с любыми вопросами — он в курсе и расскажет, что делать.

— Он — менеджер?

— Нет, консультант, но очень толковый. Марк — директор, но он почти все время проводит у клиента. Так что Ксавье все знает и ориентирует тебя.

Я удивляюсь, что мне будет давать указания консультант. Это нарушает привычную иерархию. Когда мы выходим из лифтов, я забываю об этом. Кафе располагается на последнем этаже здания. Через огромные окна на все четыре стороны открывается панорама Лондона.

Вдали торчат башни Сити. Среди них строящийся, словно перевернутый кверху ногами дом: он походит на гриб и расширяется от основания к крыше. Чуть правее небо протыкает острием небоскреб «Шард», или «Осколок». Вдали между ними, серый и призрачный, как мираж, в дымке солнечного дня примостился новый район офисных небоскребов — Канэри-Уорф. Я замираю от раскинувшегося передо мной вида. Позже я рассмотрю и железнодорожные пути Ватерлоо, и бесконечные леса, которыми заканчивался город с другой стороны, и здание Парламента — Биг-Бен высится перед самым носом на другой стороне реки, — но сейчас я не могу отвести глаз от панорамы лондонских небоскребов. Отчего-то захватывает дух, и я никак не могу разобраться — то ли от восхищения, то ли от какой-то необъяснимой тоски.

— Как разместились? Все в порядке? — спрашивает Тереза, когда мы усаживаемся за столик, и, не дожидаясь ответа, начинает рассказывать.

Марк — главный. Отношения с клиентом прекрасные. Работы много. Она рада, что я приехала. Да, конечно, мне нужно будет вникнуть в то, что происходит. Возможно, кое-что покажется странным. Марк любит все делать сам, отслеживать мельчайшие детали. Она не могла сначала привыкнуть. В Праге было совсем не так! Директор занимался общим контролем, а деталями — менеджеры, но Марк всегда должен знать, что происходит. Это сложно. Иногда ассистенты больше в курсе, чем она, а она же старший менеджер. Но Ксавье помогает, во всем разбирается — очень толковый. С Томом немного сложно в последнее время — это из-за стресса.

— Том — который в очках?

— Да. Кстати, я должна ему сказать... — Она хватается телефон и звонит парню с голубыми глазами.

Они обсуждают отчет, который он должен проверить. Перед нами стоят купленные салаты, и очень хочется есть, но я решаю дождаться, когда она сделает паузу.

Команда замечательная, продолжает она после разговора, не вспомнив про еду. Многие, правда, пришли в компанию недавно, им все надо объяснять, контролировать. Рика вот никак не разберется, что к чему. Она делает описание процесса.

— Как же она делает описание процесса, если не понимает, что к чему? — удивляюсь я.

— Я ей рассказала, а потом ей еще Линда объяснила, так что никаких проблем. Линда — менеджер проекта, помогает все организовать. Иногда с ней сложно — она не всегда улавливает суть и приходится тоже объяснять. Ксавье с этим хорошо справляется.

Не делая пауз, она рассказывает, как устала от работы, что Лондон после Праги очень шумный, что недавно рассталась с женихом. Она никому об этом не говорила, но он работает в соседнем отделе и сидит на нашем этаже, так что рано или поздно все равно все узнают. Они встречались год, жили вместе и собирались пожениться, но он прервал их помолвку. Может, и к лучшему, но он все еще живет с ней в одной квартире. Ищет себе другое жилье. Вообще, здесь не надо никому рассказывать про свою личную жизнь: чем меньше о тебе знают, тем лучше.

Я не выдерживаю:

— Тереза, я, наверное, начну есть. Сегодня успела только позавтракать.

— Конечно, не стесняйся, приятного аппетита! Я не завтракала и вот, видишь, не успеваю пообедать, — глаза ее блестят чуть лихорадочно.

Макароны холодные, но я не замечаю, думаю о том, как хреново, наверное, жить бок о бок с человеком, за которого ты собиралась замуж, а он отменил помолвку. Я ем, а она все еще что-то рассказывает. Я не уверена, помнит ли она, что я сижу рядом, да и вообще, помнит ли, где она.

Когда я ухожу, упаковка салата все еще стоит перед ней. Она к ней даже не притронулась.

— Доем на месте, — она словно приходит в себя. Провожает меня на первый этаж, прихватив с собой салат.

* * *

Осень — это тревога. Тихая, неявная. Она медленно напитывает собой холодеющий уличный воздух. Ее приносит ветром вместе с опадающей листвой. Она

скрывается за желто-красным цветом, но на самом деле тревога — это черные, тянущиеся в небо ветви деревьев. Уже в ноябре они обнажатся, и это тайное тоже станет явным.

Я уехала из Москвы, до последнего момента не осознавая, что делаю. Наша жизнь текла как обычно. Он готовил ужины, я мыла посуду, убиралась дома. За ужином мы смотрели сериалы. Я ходила в спортзал, он днем работал. У стены стояли сумки и чемоданы с моими собранными вещами, но мы вели себя так, как будто ничего не происходит. Все то же, что и всегда.

Накануне отъезда я больше не могу делать вид. Серый день. С утра я плачу. Уезжаю из дома. Мне нужно просто погулять по городу. Возвращаюсь вечером и снова плачу. «Как будто все закончилось. Я так не могу». Он обнимает меня, успокаивает. «Это зависит только от тебя. Как будешь к этому относиться, так и будет», — говорит он, и я ненадолго верю. Главное — контроль сознания, мыслей. Потом теряю выдержку и снова плачу.

Ночью мы спим плохо. Я как в беспамятстве. Он ворочается. Где-то под утро просыпается. Я сплю и не сплю. Чувствую, как он приподнялся на локте и смотрит на меня. Вдруг его рука осторожно убирает с моего лица упавшую прядь волос. Я неподвижна. Я сплю или не сплю?

Утром быстро собираюсь. Он помогает спустить в такси вещи. Говорить нам, в общем-то, не о чем. После того как я согласилась на Лондон и ждала визу, мы разговаривали только на бытовые и отвлеченные темы. Купи сегодня, пожалуйста, помидоров и огурцов для салата и еще ту белорусскую ветчину, ты знаешь, в прямоугольной банке. Слышал